

РЕЦЕНЗИИ

М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур, 2010. 496 с. (Studia philologica)

Посвящение рецензируемой книги – «<...> Елене Андреевне Земской и всем коллегам-разговорникам» – указывает на исследовательскую родословную авторов. Первые совместные публикации М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой о русской разговорной речи и устном общении относятся к середине 1980-х гг. На XI Международном фонетическом конгрессе (1987) авторы вместе с Е.А. Земской представили доклад об особенностях мужской и женской речи. В 1995 г. выходит книга М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой «Русский речевой портрет. Фонохрестоматия» с приложением звучащих записей неофициальной речи, с печатной транскрипцией звучания и исследованием. В монографии «Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект» [Китайгородская, Розанова 1999/2005] авторы исследуют семейные разговоры, включая такой жанр домашнего, часто межпоколенческого, общения, как устные рассказы. В рецензируемой новой книге внимание авторов сосредоточено на городском общении вне дома и работы – на улице, в общественном транспорте, в магазине, на рынке, в аптеке. В опубликованных в эти же годы статьях о повседневной коммуникации горожан авторы, наряду с вопросами о принципах изучения проблемы (прежде всего о жанрах речи), рассматривали разные конкретные аспекты языковой жизни города: язык вывесок и рыночных зазывов, речевое поведение людей на митингах, языковые игры взрослых, современные эпитафии на московских кладбищах, внутренне конфликтный символизм такого значимого продукта народного питания, как колбаса, и др. Несколько выделяется работа, в которой сопоставлены два отображения русской разговорной речи – у лингвистов и у Высоцкого [Китайгородская, Розанова 1993].

Исследования М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, беря начало в «цехе разговорников», в последних двух книгах вышли за

пределы языкознания. Если проблема разговорной речи состоит в определении ее места в нормативно-стилистическом укладе общенародного языка (и это задачи лингвистики и социолингвистики), то повседневное общение стало предметом внимания разных дисциплин. Кроме лингвистов и исследователей городского фольклора, о повседневном общении пишут в философии, теории коммуникации (в ее гуманитарно-социальном сегменте), в социологии и социальной психологии, семиотике, антропологии и культурологии. Истоки и стимулы такого широкого интереса различны: это идеи Витгенштейна (его философии «обыденного языка» и «языковых игр» как конвенций общения); феноменология повседневности «позднего» Гуссерля; исследования массового сознания, причем не только в социологии или антропологии текущего (наблюдаемого) дня¹, но и в историографии².

Исследование М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой по своему демократическому интересу к повседневной и социальной жизни языка, по свободе от нормализаторства и открытости широкому читателю продолжает традиции лингвистической школы М.В. Панова и Е.А. Земской. Вместе с тем книга отвечает новым познавательным запросам постсоветского общества, в котором обострился интерес к отечественной истории, особенно когда не стало цензуры. Возродился испытанный гуманитарный метод – искать в языке данные, способные пролить больше света на историю народа. Распространились книги о языке (прежде

¹ Как в книге Нэнси Рис о горбачевской перестройке [Рис 2005].

² Как во французской школе «Анналов» с ее интересом к истории ментальности, в том числе сознания «безмолвствующего большинства» (А.Я. Гуревич) – средневекового крестьянства.

всего словари), которые показывают ход истории через лексико-фразеологические и отчасти фольклорные перемены. Таковы, в частности, «Толковый словарь языка Совдепии» (1998, 2-е изд. 2005) В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной; «Жаргон-энциклопедия современной тусовки» (1998) А. Щуплова (при участии Т. Макловски и М. Кляйн); «Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма» (2002, 2-е изд. 2005) Б.М. Сарнова; «Система: тексты и традиции субкультуры» Т.Б. Щепанской (2004); «Словарь модных слов» (2005) и «Новый словарь модных слов» (2008) В.И. Новикова; «Телесный код русской культуры: Материалы к словарю» (2007) Д.Б. Гудкова и М.Л. Ковшовой; «Жизнь российского города в лексике 30–40-х годов XX века: Краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений» (2008, 2-е изд. 2011) О.П. Ермаковой, а также близкие по замыслу полупрофессиональные издания. Книга М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, в которой «языковое существование» – это и предмет исследования, и источник знаний о людях в мегаполисе, естественным образом принадлежит литературе «о жизни», увиденной сквозь призму повседневной коммуникации.

Подзаголовок «На материале языка Москвы» вызывает понятный прилив интереса у широкого читателя по тем же причинам, по каким раскупают книги об архитектуре, истории, театрах Москвы... – обо всем московском. В сочетании язык *Москвы* есть, однако, двойная притягательность: не только магнит столицы, но и доверие к правде языка, наблюдаемой и запечатленной в вербальных документах и фактах. Не случайно в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой так органичны фотографии, воспроизводящие письменные факты «языкового существования» Москвы: вывески, ценники и указатели, объявления (серьезные и «с приколом»), плакаты, рекламные щиты и перетяжки³, надпись на ветровом стекле иномарки «Спасибо деду за победу!» (в последние годы ставшая популярной в майские дни праздника Победы); таблички нищих с просьбой о милостыне, надписи и изображения на надгробиях и просто люди в ситуациях, с которыми связаны те или иные «речевые стереотипы» города: посадка в маршрутное такси, магазины (советского образца и современные), рынки – продуктовые, вещевые, уличные «стихийные» – с ящиком рыбы у метро... Есть фо-

тографии двадцатилетней давности, причем это прямые документы времен «пустых прилавков» (товарного дефицита в конце 1991 и начале 1992 г.). И читатель видит то, что уже отошло в прошлое и не повторится (во всяком случае, в знакомых формах): пропуск с фотографией в магазины конкретного райторга Москвы (пропуск назывался *визитной карточкой покупателя*; на фотографии – «визитная карточка» М.В. Китайгородской); рядом – фотографии помесечных карточек (они назывались *картой талонов*) на товары отдельных групп; на снимке это талоны на «табачные изделия», на три месяца, разноцветные, как денежные купюры, и даже с защитой от подделки. Ценность документов, которым время добавляет аромата «ретро», растет как у давней кинохроники или коллекционных вин – чем старше, тем выше.

В монографии М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой четыре главы: «I. Горожанин и его речевая среда» (с. 40–145); «II. Языковое существование и проблемы ситуативно-жанровой стратификации городской речи» (с. 146–277); «III. Языковое существование современного горожанина в ситуациях и жанрах» (с. 278–380); «IV. Языковое существование горожанина в социокультурном аспекте» (с. 381–473). Затем следует недлинное Заключение (с. 474–476). Как можно видеть, названия глав лексически схожи (в трех заглавиях из четырех есть слова *горожанин* и *языковое существование*, в названии еще одной главы – созвучные слова *городской* и *речевая среда*). Близость заглавий создает впечатление недостаточной раздельности глав; это впечатление сохраняется и при чтении книги.

Логика композиции книги может быть представлена так: в I главе авторы показывают разнообразие неофициальной городской речи современной Москвы, от 1990-х гг. до наших дней; во II главе, самой большой в книге и центральной в отношении метода и терминологии, обсуждаются способы исследования городского общения; представлены единицы анализа, выделяются коммуникативные страты, системы «речевых жанров» и «городских стереотипов»; в III главе, центральной в аспекте исследуемого материала, внимание сосредоточено на общении горожан вне дома и работы в современной Москве; в IV главе хронологические рамки книги раздвигаются – от начала XX в. до современности, поскольку интерес авторов переключается на такие особые сферы коммуникации, как сбор милостыни и кладбища. Здесь традиции общения более устойчивы, чем в остальных сферах повседневности, поэтому, чтобы увидеть перемены в речевом поведении нищих или в стили-

³ В том числе, например, военно-церковно-славянский анонс праздника десантников (совпадающий с днем памяти пророка Ильи): *День ВДВ РФ. Ильин День. Пророке Божий Илие, моли Бога о нас!*

стике эпитафий, требуется более длительное наблюдение.

В этой же главе показаны московские очереди (и именно советского времени), в том числе очереди, связанные с обменом денег («павловская реформа» и другие сходные экономические потрясения). Десятилетия советских очередей выработали свою терминологию: бывали очереди *живые* и *по записи*; *писались* в них *с утра* или *с ночи*, люди знали неписанные *правила* очереди: как *занимать*, когда можно *отойти*, кого *держаться*, как *не потерять очередь* и т. д. Особенно драматичны разговоры, записанные в очередях времен товарного дефицита, на исходе советской власти, когда люди днями простаивали в очередях, толкаясь, скандаля и шутя, и при этом в постоянной тревоге: не кончится ли товар, прежде чем очередь подойдет... Помимо собственных записей, авторы привлекают значимые свидетельства из воспоминаний о до- и послевоенной жизни Москвы⁴. По достоверности речей и нравов, представленных в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой, особенно на страницах об очередях и рынках (точнее бы сказать, в сценах), – это своего рода «физиологические очерки» нашего времени.

Интерес к практикам общения и их языковой материи в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой доминирует; для авторов факты ценнее, чем теория или разбор «точек зрения»⁵. Записи речи в изобилии представлены во всех главах; это десятки микродиалогов в самых разных ситуациях: как узнают дорогу; о чем говорят на улице, на остановке автобуса, в автобусе, в том числе и возвращаясь с кладбища; о чем и как спрашивают и как отвечают в аптеках; о чем говорили в советских очередях и как коммуницируют в условиях товарного изобилия. Авторы выявляют и в деталях демонстрируют коммуникативные «сценарии» рыночной купли-продажи, ее этапы, стратегии

и тактики: как зазывают покупателя, как «приглашают к торгу», как «оказывают покупателю знаки внимания», как торговцы хвалят свой товар, как шутят, как апеллируют к патриотизму (*Берите укропчик / наш / подмосковный*), как «подчеркивают интересы покупателя»... И так же методично и с таким же интересом к жизни авторы разбирают далее тактики и реплики покупателей.

То обстоятельство, что коммуникативная реальность для авторов приоритетна по отношению к теории и методу исследования, отнюдь не означает, что в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой теоретический компонент недостаточен. Судя по всему, он для авторов менее интересен, чем пестрая, почти как сама жизнь, практика общения. Тем не менее теория в рецензируемой книге представляется определенной и результативной. Развивая российские исследования разговорной речи (работы Е.А. Земской, О.Б. Сиротининой, Л.А. Капанадзе, О.А. Лаптевой, Т.В. Шмелевой и др.), авторы перешли в область коммуникативистики, где потребовались иные, лингвистические, категории и методы анализа, и эта новизна оказалась исследователям вполне под силу. Самостоятельность авторских решений основана на хорошем знании литературы вопроса (правда, в основном на русском языке). В книге относительно немного страниц с обсуждением работ, близких по теме, но при анализе материала авторы регулярно сопоставляют свои результаты с выводами и характеристиками феноменов коммуникации у других исследователей. Это, как правило, проницательные и уместные (всегда «по делу») цитаты из значимых работ, всегда с точными ссылками.

Теоретическая ценность книги М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой мне видится в ряде аспектов, из которых я остановлюсь на трех: 1) понятие «языковое существование», конкретизированное применительно к исследованию городской повседневной коммуникации; 2) онтологический и семиотический статус коммуникативных практик горожан, очерченный по отношению к базовым лингвистическим категориям; 3) детерминированность форм общения (речевых жанров, стереотипных микродиалогов, коммуникативных клише) социально-психологическими факторами (общность городского пространства и быта; виды ситуаций общения; константы ролевого поведения коммуникантов и др.).

Понятие «языковое существование», известное у нас из работ советских японистов 1950-х гг., получило в книге М.В. Китайгородской и

⁴ Ср. одно из таких наблюдений: известный джазовый музыкант Алексей Козлов, размышляя о феномене московского послевоенного двора, приводит сочетания со словом *двор*, сейчас уже забытые, но обычные в то время: «Пошли в кино всем двором», «Сыграем дворна-двор» (с. 128).

⁵ Показателен мотив, которым предваряется трехстраничная коллекция шуточных объявлений в маршрутных такси: «В последнее время в Москве мода на такие речевые произведения проходит. Ниже приведены примеры в достаточно большом количестве с целью “запечатлеть”, возможно, уходящую натуру» (с. 112).

Н.Н. Розановой новое осмысление⁶. В теоретическом определении понятия авторы близки к японским источникам, видя в языковом существовании «цепочку речевых действий и взаимодействий, которые человек совершает в течение дня» (с. 33), но стремятся представить языковое существование «дискретно и систематизировать в виде определенных единиц – речевых жанров, соотносимых с типовыми ситуациями городского общения» (с. 34). Однако это принципиально иная задача, нежели в японской лингвистике. Если японские исследования, как и анализ коммуникативного уклада у Кастельса [Кастельс 2000], – это коммуникативная социология (т. е. сбор и интерпретация данных, позволяющих судить о социуме или его стратах по тому, как коммуницируют люди), то в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой общение горожан исследуется в качестве реальности, которая интересна и самодостаточна сама по себе, «в себе и для себя», как о языке сказано у Соссюра. Это естественное для филологов стремление: увидеть в своем предмете (языке или литературе) систему средств, предназначенных для передачи того или иного содержания, исследовать структуру и функциональную иерархию этих возможно-

⁶ В исследованиях языкового существования японского общества изучалось, наряду с другими вопросами, количественное соотношение (в течение суток) разных видов речевой деятельности, включая чтение и письмо, у представителей разных социальных и половозрастных групп. В конце XX в. аналогичные измерения в США показали пропорции основных видов общения (семейное, потребление теле- и радиопродукции, прессы, книг) в суточном распределении времени среднего американца [Кастельс 2000: 320]. В ходе исследований русской разговорной речи в 1960–70-х гг. были записаны на магнитофон все разговоры, которые велись в течение полного дня, с утра до отхода ко сну, в одной семье (муж, жена, 2-летний сын и мать мужа); записанное (кроме речи ребенка) опубликовано в разделе «Языковое существование» в [Русская разговорная речь 1978: 218–230]; здесь же напечатаны записи ряда других эпизодов «языкового существования» – «Купание ребенка», «В гостях у сестры» и т. п. Однако эти тексты остались без лингвистических комментариев исследователей. В силу семантической широты слова «существование», термин «языковое существование» допускает различные модификации – сужающие, психологизирующие, абстрагирующие, в том числе и в аспекте экзистенциальной философии индивидуального бытия личности в языке-речи и памяти (как в [Гаспаров 1996]).

стей, их элементарные и производные единицы и т. д.

Сложность, однако, в том, что названный сегмент «языкового существования» представляет собой феномен не языка, а коммуникации, и здесь категории лингвистики («разговорная речь», «кодифицированный язык» и т. д.) или лингвистики текста («сверхфразовое единство», «средства связности реплик в диалоге» и т. п.) не могут составить теоретическую основу исследования. С другой стороны, существенно, что М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова изучают не вообще всю речевую коммуникацию города, но только повседневное общение горожан вне дома и работы; иначе говоря, ряд важных сфер общения (образование, официальное служебное общение, вещательные и печатные СМИ, книги) в рецензируемой работе не затрагивается.

Как показывают М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова, коммуникативная реальность устроена иначе, чем языковая. Языковую ситуацию города (этнически одноязычного) можно характеризовать с учетом нормативно-стилистического уклада языка, указывая, кто и когда использует разговорную речь, кто и когда – публичную устную речь, язык СМИ, кодифицированный язык, городские (полу)диалекты, просторечие, профессиональные сленги и т. п.). Однако характеристику коммуникации в городе естественно начать с указания на ее семиотическую неоднородность, т. е. с перечня ее разносемиотических компонентов: речь устная и речь письменная (в основном печатная); паралингвистическое сопровождение устной речи (жестово-мимическое); визуальные неязыковые сообщения (визуальный компонент вывесок, рекламы, объявлений и т. п.); будничное vs. праздничное vs. траурное убранство улиц; аудиальные неязыковые сообщения (музыкальные и немзыкальные – бой городских часов, гудки, сирены, зуммеры, метрономы). В лингвистическом (нормативно-стилистическом) отношении уличная городская коммуникация также неоднородна: количественно в ней преобладает повседневная речь горожан, т. е. разговорная речь (нижний регистр литературного языка) и субстандартные варианты языка, однако в городской коммуникации важен и ее официальный речевой компонент (записанные на пленку или диск объявления в городском транспорте, которые нередко выходят за пределы транспортной темы; ср. объявления о возможностях трудоустройства или учебы, о предприятиях сферы обслуживания или торговли и т. п.). Если шуточные надписи-объявления в маршрутных такси – это полуприватное общение водителя с пассажирами, то в воспроизводимых голосовых объявлениях в метро,

тем более в печатных «Правилах пользования метрополитеном» и подобных жанрах представлено официальное информирование-инструктирование сверху. Легко видеть, однако, что лингвостилистический анализ позволяет характеризовать те или иные виды городской коммуникации, но его недостаточно для их различения.

В теории городской коммуникации в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой центральное место занимает система собственно коммуникативных понятий, предназначенных для дифференциации и характеристики нескольких десятков видов коммуникативных фактов или событий. Называть ли эти виды «жанрами»? По-моему, вопрос остается открытым. Бахтинская генерализация любых речевых произведений в понятие «речевой жанр» здесь не помогает делу⁷. Речевой жанр понимается как мысленный инвариант определенной группы текстов со своим (характерным для жанра) набором дифференциальных признаков – таких, как стереотип ситуации общения, ролевой состав партнеров, тема разговора и иллюзии партнеров. Авторский термин «ситуативно-жанровая стратификация городской речи» и близкий к нему «ситуативно-жанровая структура городской речи» ставят жанр в зависимость от ситуации. Однако от ситуации зависят не только жанровые, но и лексические различия текстов. Так, говоря о «коммуникативных типах городского пространства», авторы показывают, как лексически по-разному люди говорят о «локусах» для отдыха и развлечения (туда *хочется* пойти, там *гуляют*, *проводят время*, часто – *с удовольствием*), а с

⁷ Бахтин, вводя общее понятие «речевой жанр», сразу же предлагает различать «маленькие жизненные жанры» – «законченный вопрос, восклицание, приказание, просьбу» (он их называет «первичными» и «простыми» «житейскими жанрами»), а с другой стороны, – «вторичные (сложные) речевые жанры – романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п.» [Бахтин 1979: 239], не настаивая далее на единой иерархии всех «речевых жанров». В терминах теории речевых актов, «первичные» речевые жанры Бахтина – это те минимальные единицы общения, которые логики называли «речевыми актами». Сейчас стали хорошо видны едва ли преодолимые процедурные трудности при переходе от речевых актов к идентификации и характеристике более сложных относительно законченных текстовых фрагментов, не говоря уже о произведениях в целом (если только не обратиться к литературоведческой и журналистской терминологии жанров).

другой стороны, – о локусах «утилитарного» назначения (магазин, аптека, банк, городской транспорт): туда *нужно/надо* сходить, там *тратят/теряют время*, часто – *зря*. «Если адресант говорит: *Мне надо сходить в театр*, то наиболее вероятно, что он либо работает в театре, либо у него там какие-то дела» (с. 187)⁸.

Жанры повседневной коммуникации предлагается дифференцировать на основе следующих противопоставлений: 1) «практическая коммуникация» vs. «фатическая»; 2) в названных двух группах различаются жанры «монологические» и «диалогические»; 3) в каждой из полученных четырех подгрупп выделено по три разновидности: жанры «информативные», «прескриптивные» и «апеллятивные». Однако в список релевантных признаков не вошли две оппозиции, введенные авторами в I главе (в разделе «Разновидности коммуникации в зеркале противопоставлений»): «вежливая коммуникация» vs. «грубая», «нейтральная» vs. «игровая». Возможно, эти противопоставления и не могли войти. Задача классификации речевых жанров или их матричной идентификации мне представляется преждевременной. С другой стороны, в целях практической презентации повседневных диалогов и клише, кажется, что удобнее всего следовать композиции разговорников, в которых материал располагается по темам и ситуациям (т. е. вполне органично для коммуникативной практики), что допускает любую детализацию в подаче материала, при этом для пользователя удобство разговорника зависит прежде всего от устройства его оглавления.

Ставя вопрос о том, «Что дает изучение стереотипов, речевых клише?» (в конце II главы), М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова связывают дальнейшие перспективы жанровой стратификации повседневной речи с выявлением синтагматических и парадигматических связей каждого отдельного жанра. «Синтагматический аспект описания жанра связан с определением типов коммуникативно совместимых ситуаций. <...> При этом синтагматическая позиция жанра определяется через возможность

⁸ Цитируя эти полезные наблюдения, приходится с сожалением заметить, что в исследовании коммуникации лингвистические характеристики, скорее всего, будут вытесняться коммуникативными (просто из-за нехватки места). Вот еще одно проявление этой тенденции в рассматриваемой книге: в разделе «Некоторые особенности лексического оформления нищенских текстов» (с. 400–404) говорится не столько о лексике, сколько о вербальной организации «действенного» имиджа просящих милостыню.

сочетаемости с соседями «слева» и «справа»» (с. 276). Парадигматика жанра – это его взаимоотношения с близкими «синонимичными» жанрами, когда различия связаны с одним-двумя жанровыми признаками. Например, продавец говорит покупателю, что нужного товара нет. Далее возможны два-три «кооперативных» развития «партии» продавца (в зависимости от реального положения дел): а) продавец добавляет, что этот товар продают не в данном отделе, а в соседнем, и говорит (и показывает), как туда пройти; б) продавец добавляет, что сейчас этот товар распродан, но завтра с утра поступит его новая партия и т. п. Варианты реализации стереотипа зависят также от «исполнения партитуры» жанра: возможны как его полная (вербализованная) реализация, так и «разные типы эллипсиса (ситуативного, синтаксического), замена вербальных средств выражения жестомимическими и др., прямые и косвенные формы выражения коммуникативных намерений адресанта» (с. 276). В целом жанр мыслится авторами в духе Соссюра – как инвариантная модель со своим рядом возможных текстовых реализаций (с. 276). В третьей главе книги предложенный метод анализа жанра продемонстрирован в действии – применительно к жанру «требование остановки» в ситуации «Маршрутное такси».

Лингвисты, исследуя свои проблемы, приходят к изучению коммуникации и поневоле становятся «коммуникативистами», оказываясь в другом, еще не возведенном гуманитарном цехе – почти без терминологии, без адекватных методов, без хотя бы начальных систематизаций коммуникативного материала. Однако у меня чувство, что лингвисты лучше, чем психологи, подготовлены к тому, чтобы открыть нетривиальное и практически полезное знание о «коммуникативном существовании». Весомое подтверждение этому чувству я нахожу в книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Преимущества лингвистов не только в профессиональной чуткости к слову, но и в приращенном (или привитом с младых ногтей) даре систематизации и структурирования – не только изучаемой материи, но и собственных текстов.

Вынуждена сказать, однако, что в рассматриваемой книге мне не доставало авторской заботы о структурировании своего текста. Читатель легко заметит неполноту оглавления: в нем не отражены десятки рубрик, имеющих в книге, т. е. логика развертывания текста не проверена ее компрессией в оглавлении. Более того, в тексте постоянно встречаются нестандартно широкие (двукратные) пробелы между абзацами – так авторы зрительно, полиграфически, но не вербально, отмечали новый

поворот мысли, новую тему, необходимое отступление от основной (для данного раздела) мысли. Убеждена, что на месте «молчаливых» пробелов должны были стоять слова – продуманные терминологические заглавия разделов и подразделов (лучше бы – нумерованные). Книге – и авторам и читателям – не достает вербальных, терминологических ключей к содержанию. Для читателей это были бы дополнительные ступени вглубь авторской логики, для авторов – инструмент самоконтроля и рефлексии над собственным текстом.

Отмечу еще один «редакторский» недостаток авторов: в тексте книги встречаются ссылки, которые приводят к лакунам в списке литературы, т. е. соответствующие источники пропущены⁹. Подобные огрехи, конечно, нежелательны. Однако не в них суть дела.

Важно подчеркнуть гуманитарную значимость исследования М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой. Наряду с ценностью языкового материала и его коммуникативно-лингвистической систематизации и характеристики поучителен исследовательский опыт авторов. Это важно для методологии, именно для феноменологии гуманитарного знания: осознать тот подход и те основания, которые позволяют за наблюдаемой повседневностью – «самоочевидной и стереотипной» (Альфред Шюц), «тусклой и банальной» (Бернхард Вальденфельс), «летучей и преходящей» (М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова) – увидеть ее социально-психологический и философский смысл. Б. Вальденфельс видел в повседневности главный источник общих и основных норм социальной жизни, ее «лигирующее» начало, «плавильный тигль рациональности». «Культура повседневности», писал он, «исходит из требований простого выживания» [Вальденфельс 1991: 47]. В книге М.В. Китайгородской и Н.Н. Розановой показаны коммуникативные механизмы этой всех и все упрощающей переплавки: обусловленность повседневного общения социально-биологическим ритмом жизни в условиях про-

⁹ Такие ссылки, в частности, есть на с. 30–32; приведу названия тех пропущенных книг, к которым они отсылают: Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / Отв. ред. Н.А. Купина, О. А. Михайлова. Екатеринбург, 2004; Современный городской фольклор / Под ред. С.Ю. Неклюдова. М., 2003. (на с. 30 дана ссылка [Городской постфольклор 2003]); Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности / Под ред. Н.А. Купиной, М.Б. Хомякова. М., 2005; Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург, 2006.

странственно-временной и бытовой общности и похожести жизни миллионов людей; характерные для больших городов обезличенность и анонимность общения, взаимное невнимание горожан, автоматизм городского общения незнакомых людей и его содержательная поверхностность; приоритетная зависимость, даже производность, речевого стереотипа от стереотипа ситуации при нечувствительности адресата к аграмматизму (*У вас колбасу / можно к вам пробивать?*) и равнодушии к субстандартности речевых клише: просторечное *Не подскажите скоко время?* приемлемо в той же мере, как и *Не подскажите / который час?*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин 1979 – М.М. Бахтин. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Вальденфельс 1991 – Б. Вальденфельс. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос. Вып. 1. Общество и сферы смысла. М., 1991.

Гаспаров 1996 – Б.М. Гаспаров. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.

Кастельс 2000 – М. Кастельс. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М., 2000.

Китайгородская, Розанова 1993 – М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Творчество Владимира Высоцкого в зеркале устной речи // ВЯ. 1993. № 1.

Китайгородская, Розанова 1999/2005 – М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М., 1999; 2-е изд. М., 2005.

Рис 2005 – Н. Рис. «Русские разговоры»: Культура и речевая повседневность эпохи перестройки. М., 2005.

Русская разговорная речь 1978 – Русская разговорная речь. Тексты / Отв. ред. Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе. М., 1978.

Сведения об авторе:

Нина Борисовна Мечковская,
Белорусский государственный университет
nina.mechkovskaya@gmail.com